
Александр Омелаев
Альтернатива 2

Александр Омелаев

Альтернатива 2

«Автор»
2026

Омелаев А.

Альтернатива 2 / А. Омелаев — «Автор», 2026

Апрель 1943 г. После трагической рыбалки Василий Сталин с помощью фронтового друга Сергея Долгушина, завязывает со спиртным. Но играет роль пьющего. Пока в Кремле плетутся интриги, он ждёт своего часа в мёртвой зоне. Март 1953 г. Заранее приведя на Ближнюю дачу надёжных врачей под видом печников и выставив Берию, Василий успевает перехватить штурвал огромной державы. А на министерские посты вместо партийных функционеров назначает тех, кто умеет играть честно — прославленный состав куйбышевской футбольной команды «Крылья Советов» и боевых фронтовых лётчиков.Впереди — великий матч без единого фола: отмена паспортов и колхозов, роспуск Госплана, десять бодрых государственных гимнов вместо унылых циркуляров, товарищеский матч по лапте с госсекретарём США и лунная ракета Королёва, летящая на чистом хозрасчёте и утренней зарядке.Иронический исторический триллер на грани документальности, написанный с любовью к настоящим героям неба и поля, и верой в простой человеческий здравый смысл.

© Омелаев А., 2026
© Автор, 2026

Александр Омелаев
Альтернатива 2

Александр Омелаев

Альтернатива 2

Эпиграф:

Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень».

«Все с детства знают, что то-то и то-то невозможно. Но всегда находится невежда, который этого не знает. Он-то и делает открытие».

«Безумие — делать одно и то же снова и снова, но каждый раз ожидать иного результата».

Альберт Эйнштейн

1. Содержание

2. Пролог 1
3. Запах ленд-лизовского бензина 3
4. Демянский сквозняк 5
5. Цена одного прикрытия 8
6. Разговор без погон 10
7. Чай цвета коньяка 12
8. Мёртвая зона стрелка 15
9. Качинский меридиан 16
10. Кабинет министров на выезде 18
11. Звено прикрытия 20
12. Ночной десант в Кунцево 22
13. Большая игра. Первый тайм 26
14. Загадка четырёх тысяч райкомов 30
15. Разведка боем в Кремле 33
16. Свободный удар с центра поля 36
17. День перехода страны на здоровый образ жизни 39
18. Апрель на хозрасчёте 41
19. Выездной матч в Королёвке 43
20. Бунт чугунных утюгов 46
21. Танковый клин против правого полусреднего 49
22. Последний баланс на Охотном Ряду 52
23. Консилиум высшей лиги 56
24. Свободный удар по худсовету 59
25. Свисток на границе или без визы в Гондурас 61
26. Операция «Десять нот» в Овальном кабинете 63

27. Вирус из Москвы
28. Паника в «Пятиугольнике» 70
29. Лунное затмение в Хьюстоне 72
30. Эпилог. Водокачки имени «Воевода» и «Стилет» 75
31. Послесловие автора 78
32. Краткая историческая справка 79

2. Пролог

Не задалось от самого веку плавное да складное становление будущей державы Российской — словно ещё на заре времён древние боги, глянув с облачных высот на сии бескрайние топи, дремучие буреломы да комариные болота, махнули рукой и рассудили: полноте, разве ж можно на этакой мокрой неудобице возвести что-либо дельное и пригожее? И отвернулись по своим небесным делам, оставив край сей на произвол ветров да людской дури.

Поначалу-то, правда, кое-что и затевалось — в том же славном граде Новгороде, где мужи больше торговали, чем махали дубинами. Но явился из-за моря варяг Рюрик, наплодил князей — великих и не очень, — и принялись они из века в век мериться, чья шапка выше да стол богаче. Бились они меж собой за волости и уделы, а у простого люда только чубы трещали.

Едва поутихли усобицы, как выплеснула дикая степь печенегов да половцев. Стали те грабить, палить посады да самых пригожих наших девок в полон увозить — видать, породу свою поправить замыслили, уж больно страшны да неказисты сами обликом вышли. Кое-как отбились от степняков, ан с полуденной стороны новая напасть полезла — крымские татары да турки. Только отмахались от сей беды, как с самого краю света, из Монголии да Китая, чёрной саранчой навалилась Орда. Почти подмяли, полонили, иго своё лютое провозгласили. И пришлось самым великим князьям нашим на поклон в вражью ставку брести да серебро в сапогах возить — мзду платить. Видать, с тех самых пор и прижилось на Руси сие проклятие, ставшее чуть ли не главной государственной скрепой.

Несколько столетий так откупались, покуда не собрались несколько князей — порой даже не самых великих, но упрямых — и не скинули с шеи ордынский аркан. Вздохнуть бы полной грудью, да тут просвещённая Европа возжелала свой кусок от русского пирога отхватить. Первыми французы накинулись, но не учли нашу суровую, болотистую географию да зимний сквозняк. К тому же поживиться здесь особо уже было нечем — ещё половцы с монголами всё подчистую растащили. А когда следом англичане на пару с союзниками решили у нас пошарить, им токмо голые скалы Крыма и достались. Посидели они на тех камнях, поскучали, да и отчалили восвояси — у самих этого добра навалом.

За вечными сими набегами да наскоками заниматься собственным хозяйством нашим великим правителям вечно было недосуг. Только-только Пётр Аркадьевич Столыпин засучил рукава, чтобы поправить дела и дать мужику вольную землю, как его быстренько и весьма театрально пристукнули в киевском театре. И вновь покатилось всё ни шатко, ни валко.

Тем не менее к началу нового набега — теперь уже германского — Россиюшка умудрилась войти в тройку сильнейших держав Европы. Но немчура, не сумев повалить русского солдата в честной сече, заслала внутрь своих лазутчиков в пломбированных вагонах. И нашёлся-таки среди них человек с незаурядным глубокомыслием и пречёрной душой. Ох и легко же, оказывается, перевернуть огромную страну с ног на голову, коли в голове у тебя холодный расчёт, а вместо сердца — уголь! Переворотили они всё в державе вверх тормашками да устроили напоследок лютую братоубийственную бойню.

Одолев собственный народ, самый великий и мудрый, но уже советский Князь замыслил сотворить самую могучую рать в подлунном мире и раз и навсегда положить конец любым набегам. Отобрал у пахарей весь хлеб до последнего зёрнышка, а на вырученное золото закупил

у вчерашних супостатов уйму заводов для ковки танков да пушек, красиво нарекая сие действо индустриализацией. А то, что миллионы людей при этом тихо преставились от голода, он в масштабах мировой революции попросту не заметил.

И вот поглядел на всё сие безобразие сверху уже Самый Главный Бог — не те давние лесные идолы, что когда-то от матушки-России отмахнулись, а Тот, Кто за весь белый свет в ответе. Поглядел, покачал седой головой, да и усмехнулся в бороду:

«Эка невидаль — страну с ног на голову поставить! Для того много ума не надобно, хватит и чёрной души. А вот вернуть её обратно на ноги — дело куда более лёгкое и благостное. Тут даже громом греметь не требуется. Всего-то и нужно — снять вредное заклятие с одного доброго, но сильно заблудшего человека, да вправить одну-единственную голову на праведный путь!»

И стоило только Творцу в нужный миг слегка дунуть на одну горячую, рыжеватую голову — и, глядишь, алле-оп! — зашевелилась, задышала, расправила плечи огромная страна и легко, словно с похмелья умывшись ключевой водой, встала обратно на ноги.

Ведь для такого чуда не требовалось ни новых баррикад, ни стрельбы из пушек. Достаточно было, чтобы у штурвала державы в роковой час оказался человек с той самой грозной, бронзовой фамилией, но с абсолютно трезвой головой, чистой душой и фронтовой злостью на дураков — Василий Сталин. А в помощники ему — верный воздушный снайпер Сергей Долгушин да десяток простых заводских парней из куйбышевской футбольной команды «Крылья Советов».

Вот и поглядим, что станется с державой, коли снять с доброго человека дурное наваждение, отменить внутренние паспорта, распустить колхозы, заменить унылые циркуляры десятью бодрыми государственными гимнами и дозволить людям наконец-то жить, трудиться и смеяться без высочайшего соизволения.

А началось сие исцеление с малого — с одного апрельского утра сорок третьего года, запаха высокооктанового авиационного бензина и прескверной рыбалки на тихой речке Селижаровке...

3. Запах ленд-лизовского бензина

Фронтовая весна сорок третьего года наступала неохотно, тяжело увязая гусеницами танков в липкой распутице Калининского фронта. На полевом аэродроме под боком у выгоревшей до чёрных печных труб деревушки воздух был густым, плотным, налитым гремучей смесью испарений оттаявшей земли, горькой копоти от сгоревших хат и резкого, бьющего прямо в ноздри сладковатого запаха американского высокооктанового бензина Б-100, который заливали в прожорливые крыльевые баки.

Двадцатилетний Семён Горбунов стоял у края разбитой деревянной взлётки, прижимая к боку новенький, ещё не обмятый по фигуре овчинный реглан. В нагрудном кармане гимнастёрки лежало предписание из училища, а в груди — горячий, распирающий ком юношеского тщеславия. Ему казалось, что его бешеная реакция, за которую седые инструкторы в тылу восхищённо цокали языками, — это всё, что нужно, чтобы прямо завтра начать пачками крошить немецкие «Фоке-Вульфы».

Мимо, вздымая тяжёлыми колёсами жидкую рыжую грязь, с надрывным воем пронёсся бензозаправщик. Чуть дальше, у земляных капониров, затянутых маскировочными сетями, чумазые механики в три этажа крыли матом капризные Климовские поршневые моторы новых Як - 9. Самолёты выглядели хищно, горбато, обветренно — настоящие рабочие лошади воздушной войны.

— Горбунов? — раздался сзади спокойный, чуть глуховатый голос.

Семён резко обернулся, звонко щёлкнув каблуками по размокшей доске настила. Перед ним стоял гвардии капитан. Совсем молодой — на вид года двадцать три, не больше, но сухие, рано прорезавшиеся морщинки у глаз и въевшаяся в подушечки пальцев авиационная гарь выдавали в нём человека, который измерил небо не лётными часами, а сбитыми вражескими самолётами. Это был Сергей Фёдорович Долгушин. Комэск, про которого в тыловых лётных школах уже ходили легенды. Пилот, который видел воздух насквозь.

— Я, товарищ гвардии капитан! Прибыл для прохождения... — выпалил было Семён по-уставному, звенящим мальчишеским тенором.

Долгушин мягко поднял ладонь, останавливая поток заученного рапорта. Он взглянул на Семёна — долго, изучающе, словно просвечивая рентгеном. Новичок был горячим, взвинченным, как туго натянутая струна — с такими в первом же бою либо сбивают матёрого аса, либо сгорают сами за три секунды.

— Реакция, говорят, хорошая? — Долгушин чуть прищурился. — Это ладно, реакция в нашем деле не помешает. Главное, Горбунов, чтобы голова за твоей реакцией успевала. Воздух здесь ошибок не прощает. Жить хочешь — держись за моё крыло, как привязанный. Пойдёшь ко мне ведомым. Мой прежний... неделю назад под Великими Луками остался.

Семён судорожно сглотнул. Горячий ком тщеславия в груди внезапно стал холодным и тяжёлым, как свинцовый груз.

В этот миг над аэродромом пронёсся дикий, завывающий, рвущий перепонки рёв. Пара Яков заходила на посадку без выравнивания, на самой грани срыва. Ведущий самолёт шёл с жутким, надрывным свистом — левая плоскость была изрешечена пушечными снарядами, а фюзеляж покрыт жирными чёрными полосами копоти. Машина жёстко, со скрежетом ударилась колёсами о деревянный настил, подпрыгнула, чудом удержала равновесие и замерла в самом конце полосы, тяжело отдуваясь и чихая остывающим винтом.

Фонарь кабины откинулся сразу. Пилот не вылез, а буквально вывалился на крыло, на ходу срывая с головы мокрый от пота кожаный шлемофон. Это был полковник Василий Сталин.

Ему было всего двадцать два года, но на его узких мальчишеских плечах лежала колоссальная, почти физически осязаемая масса отцовского имени и ответственность за весь тридцать второй гвардейский истребительный полк. В небе, среди рваных облаков, земная гравитация его грозной фамилии ослабевала, и Сталин-младший становился по-настоящему свободным — отчаянным, резким, не признающим никаких авторитетов, кроме суровых законов аэродинамики и правил воздушного боя.

— Техников ко мне! — заорал Василий, широкими шагами меряя раскисшую грязь прямо к Долгушину и Семёну. Лицо комполка было белым как мел, рыжеватые волосы прилипли ко лбу, а глаза горели яростным, полубезумным блеском только что пережитой схватки. — Иваныч! Почему шаг винта на выходе из пике заклинило?! Если бы не Долгушин, который прикрыл меня сверху, меня бы эти твари прямо в болото вколотили! И за это с тебя спрошу по всей строгости, и за то, что у меня в землянке самовар второй день не топлен!

Он остановился перед Долгушиным, тяжело, со свистом дыша, и только сейчас заметил съёжившегося под его колючим взглядом новичка.

— Это ещё кто? — хмуро спросил Василий, переводя тяжёлый, давящий взгляд на Горбунова.

— Пополнение, Василий Иосифович, — спокойно, без тени подобострастия ответил Долгушин. — Горбунов Семён. Беру к себе ведомым.

Василий Сталин долго, молча смотрел на Семёна, потом перевёл взгляд на его начищенные до зеркального блеска, но уже безнадёжно увязшие в фронтовой грязи сапоги и вдруг усмехнулся — криво, по-мальчишески, но с той самой, мгновенно узнаваемой сталинской прищуркой.

— Ведомым к самому Долгушину? — Сталин хлопнул Семёна по плечу так, что у того едва не подогнулись колени. — Ну держись, паря. Если упустишь в бою моего комэска — лично из трофейного «люггера» расстреляю. А потом разжалую в пехоту. А пока — иди к старшине, получай паёк и сто грамм наркомовских, если не брезгуешь. Завтра в бой. Небо проверит, какой ты лётчик.

Василий резко повернулся и быстрыми, рваными шагами пошёл к штабной землянке, на ходу выкрикивая команды бегущему следом ординарцу. А Семён Горбунов так и остался стоять на холодном весеннем ветру, провожая взглядом его израненный, дымящийся Як и ещё не подозревая, что через десять лет именно эти двое — он и этот бешеный двадцатидвухлетний полковник — провернут комбинацию, от которой у всей мировой истории намертво заклинит шаг винта.

Небо проверило Семёна уже через сорок восемь часов, и проверка эта оказалась куда менее романтичной, чем рисовали в училище.

В первом же боевом вылете над Старой Руссой шестёрка «Яков» влетела в грамотную засаду «мессершмиттов». Семён, в азарте забыв все наказы комэска, погнался за дымящим «худым», вывалился из строя, потерял высоту и в ту же секунду услышал в наушниках ледяной, звенящий от ярости голос Долгушина:

— Горбунов, мать твою, влево, скольжением! Сзади заходит!

Семён рванул ручку на себя, едва не потеряв сознание от чёрной пелены перегрузки, и мимо фонаря веером прошли огненные трассы. Крупнокалиберная пуля чиркнула по стальной бронеспинке, осыпав кабину мелкой крошкой. Вечером на земле Долгушин не орал и не махал кулаками. Он просто подошёл к бледному, дрожащему от отходняка лейтенанту, молча вытащил из-за голенища сапога сложенную вчетверо фронтовую газету и с размаху огрел ею Семёна по шлемофону.

— Ещё раз хвост потеряешь — лично в пехоту спишу, понял, герой? — тихо сказал комэск и протянул помятую папиросу. — Живой? Ну и ладно. Завтра повторим.

4. Демянский сквозняк

Март сорок третьего под Демянском пах не порохом и даже не мёрзлой соляркой, а мокрой овчиной и дешёвым самосадом. Небо над котлом висело низкое, серое, словно солдатское одеяло, изъеденное молью зенитных разрывов.

Гвардии капитан Сергей Долгушин поймал «двенадцатый» борт Яка в перекрестие прицела не для выстрела — для страховки. Внизу, крутя крутую, отчаянную спираль, уходил от пары «мессеров» полковник Сталин.

Василий дрался зло, красиво, но слишком уж наотмашь. Словно хотел доказать всему свету — и в первую очередь седому человеку в далёком кремлёвском кабинете, — что фамилия на бронеспинке не даёт ни сантиметра лишней брони. А немец попался тёртый, из «Зелёных сердец». Он не лез в лоб, он аккуратно, как мясник, отрезал Василия от основной группы, поджимая к самой кромке елового леса.

У Долгушина в такие секунды мир не замирал — просто из головы выметало всё лишнее. Оставались только углы, скорость сближения и упреждение. Ледяной расчёт без единой лишней эмоции. Он переложил свой Як в крутое пике, чувствуя, как свистит в щелях фонаря ледяной воздух, и дал короткую, злую очередь по ведущему немцу. Не сбил, но полоснул по консоли так, что «худой» шарахнулся в сторону, как ошпаренный кот, а следом за ним ушёл и ведомый.

Через двадцать минут они сели на раскисший от оттепели полевой аэродром.

Долгушин выбрался из кабины первым, стянул шлемофон и неспешно пошёл к капониру, где уже рулил и чихал мотором «Як» командира полка. На душе у Сергея было тихо и зло.

Спасти командира — полдела. Надо ещё сделать так, чтобы завтра этот командир не полез проверять на прочность лобовую броню «фокке-вульфа» в одиночку.

Василий выпрыгнул на крыло без помощи механика. Лицо в копоти, рыжеватые волосы прилипли ко лбу, глаза горят так, хоть прикуривай.

— Видел, Серёга?! — крикнул он ещё на ходу, расстёгивая ворот реглана. — Как я его на вертикаль вытянул! Ещё бы секунд пять — и он мой!

— Видел, товарищ полковник, — ровно ответил Долгушин. Он остановился в двух шагах, заложив руки за спину. — Только через пять секунд на твоём хвосте сидел бы его напарник. И мы бы сейчас не у капонира стояли, а списки на похоронку переписывали.

Василий осёкся. Улыбка сползла с лица, скулы напряглись. Вокруг уже топтались техники, но делали вид, что заняты делом — кто-то слишком усердно протирал капот, кто-то ковырялся в шасси. Все знали: когда комэск Долгушин говорит таким тихим, почти вежливым голосом, лучше отойти подальше.

— Я командир полка, капитан, — тихо сказал Василий, глядя Сергею прямо в глаза. — Мне в хвосте прятаться не положено.

— А я Герой Советского Союза и командир эскадрильи, товарищ полковник, — так же тихо отрезал Долгушин. — И мне за вас головой отвечать. Вы сегодня не в бой ходили, вы фамилию свою проветривали. А в небе фамилий нет. Там есть высота, скорость, манёвр и огонь. И если вы ещё раз оторвётесь от группы без команды — я лично доложу командующему армией, что командир тридцать второго гвардейского нарушает полётную дисциплину.

Повисла такая тишина, что стало слышно, как с крыла «Яка» капает на снег талая вода. Техник-лейтенант за спиной полковника замер с гаечным ключом в руке, боясь даже моргнуть.

Василий смотрел на Сергея секунд десять. В груди у него клокотала та самая тяжёлая, отцовская гордость, от которой порой темнело в глазах. Но Василий при всей своей горячности дураком не был — и лётчиков любил по-настоящему. Он видел, как воюет Долгушин, и знал цену каждому его слову.

Полковник медленно выдохнул, выпустив густое облако пара, и вдруг коротко усмехнулся.

— Ну и характер у тебя, Фёдорыч. Резче, чем у моего отца, честное слово. Тот хоть трубкой постучит, прежде чем выговор влепить.

Он достал из кармана реглана плоскую алюминиевую фляжку, отвинтил крышку и протянул Сергею.

— На, остынь. Коньяк армянский, из Москвы прислали. И остынь. Я тебя услышал и понял. Спасибо…

К концу марта Семён уже не дёргался при виде вражеских трасс. Он научился чувствовать машину спиной и задницей, держать дистанцию с точностью до метра и понимать Долгушина по лёгкому, едва заметному покачиванию крыльев. А потом полк вывели с передовой на пополнение под Осташков, на тихую, извилистую речку Селижаровку.

Весна брала своё: апрельское солнце припекало уже по-настоящему, лёд на реке сошёл, и душа измотанных боями лётчиков требовала простого, земного праздника. Четвёртого апреля полковник Василий Сталин решил, что лучший отдых для гвардейского полка — это наваристая царская уха. Но сидеть с бамбуковыми удочками на берегу человеку с фамилией Сталин было скучно и несолидно.

— Учимся работать по надводным целям, славяне! — весело объявил Василий, когда на песчаный берег Селижаровки притащили деревянный ящик с авиационными реактивными снарядами РС-82. — Капитан Разин, прошу к барьеру!

Инженер полка по вооружению, человек обстоятельный и невозмутимый, неторопливо скручивал с головки снаряда ветрянку, ставил взрыватель на максимальное замедление в двадцать две секунды и с размаху швырял тяжёлую железную болванку в глубокий омут. Глу-

хой подводный удар поднимал высокий фонтан мутной воды, а через секунду на поверхность всплывала оглушённая щука и жирная весенняя плотва. Семён Горбунов, стоявший по колено в ледяной воде с сачком наперевес, только успевал подхватывать серебристую добычу, громко комментируя точность «бомбометания».

— Пошла четвёртая! — скомандовал Василий, прихлёбывая из алюминиевой фляжки и щурясь на тёплое солнце.

Разин привычно скрутил колпачок, широко замахнулся... и в этот миг мир раскололся надвое.

Взрыватель сработал не через двадцать две секунды, а мгновенно. Чудовищный грохот ударил по ушам так, что Семёна взрывной волной опрокинуло навзничь в холодную прибрежную тину. Когда звеневший в голове туман рассеялся, тихий берег было не узнать. Капитана Разина не стало в одну секунду. Над рекой висел едкий, удушливый пороховой дым, стонали оглушённые раненые, а у самой кромки воды, в распоротом хромовом сапоге, из которого толчками хлестала тёмная кровь, лежал Василий Сталин. Лицо его, посечённое мелкими осколками, стало белее мела.

Семён подскочил первым. Не думая ни о званиях, ни о последствиях, он сорвал с себя широкий офицерский ремень, туго перетянул комполку голень выше раны, взвалил на плечи лёгкого, жилистого, но обмякшего от болевого шока Василия и, скользя на мокрой глине, потащил к полуторке. Кто-то бежал рядом, придерживая Василия за плечи и на ходу, ледяным, звенящим голосом отдавая чёткие команды бледному, как полотно, водителю.

— Ничего, Василий Иосифович, дотянем, — хрипел Семён, по щиколотку увязая сапогами в холодной прибрежной грязи. — Вы только глаза не закрывайте. Вы нам ещё не все наряды вне очереди выписали.

Василий с трудом разлепил запекшиеся, бескровные губы, посмотрел на Семёна мутным от боли, но всё ещё колючим взглядом и вдруг выдавил сквозь стиснутые зубы:

— Семён... если выживу..., и отец не расстреляет... напомни мне, чтобы я больше к воде без удочки не подходил. И к стакану — тоже.

Тогда Семён принял это за обычный бред контуженого, теряющего кровь человека. Он ещё не знал, что в кремлёвском госпитале профессора Очкина, куда Василия увезут спецбортом уже через несколько часов, к лечению раздробленной осколком стопы Долгушин подключит одного очень тихого и очень упрямого старого психиатра из бывших царских врачей. И что с мая сорок третьего года главный повеса и пьяница Советского Союза будет пить на шумных банкетах исключительно подкрашенный крепким чаем «Боржоми» — на радость будущим историкам и на великую беду тем, кто в марте пятьдесят третьего решит, что Васька Сталин давно пропил свои мозги.

5. Цена одного прикрытия

Лейтенант Семён Горбунов приехал в тридцать второй гвардейский три месяца назад — прямо с училищной скамьи, пахнущий свежим обмундированием и юношеским восторгом. На скулах ещё не сошёл детский пушок, а в глазах стояло такое искреннее, чистое желание немедленно сбить хотя бы пару «мессершмиттов», что старики в землянке только хмыкали и подкладывали ему лишний кусок сала в котелок.

— Не суетись в небе, Сёма, — наставлял его постоянно перед вылетом Долгушин, раскладывая на снарядном ящике потёртую карту. — Твоя задача простая, как табуретка: держись у меня на правом крыле, в ста метрах сзади и чуть выше. В драку сам не лезь, за «мессерами» не гоняйся. Смотри мне в хвост. Увидишь чужого — ори в эфир и пугай очередью. Понял?

— Так точно, товарищ гвардии капитан! Как привязанный! — отчеканил Горбунов, едва сдерживая улыбку. Летать ведомым у самого Долгушина — это ж всё равно что с Чкаловым в одну кабину сесть.

В тот день четвёрка ушла на прикрытие наземных войск к югу от Демянска. Ведущим первой пары шёл сам Долгушин.

Небо стояло обманчиво тихое, с редкими рваными облаками, сквозь которые пробивалось ещё холодное майское солнце. Но Сергей кожей чувствовал: немцы где-то рядом. На высоте трёх тысяч метров тишина в эфире лопнула разом, как перетянутая струна.

— Сверху справа четвёрка «фоккеров»! — хрипло рявкнул в наушниках голос Сергея. — Бьют в лоб! Разворачиваемся!

Карусель закрутилась мгновенно. Немецкие «Фокке-Вульф-190» — широколобые, тяжёлые, ощетинившиеся четырьмя пушками — валились из-за облака камнем, рассчитывая с первой же атаки разбить строй.

Долгушин не ушёл в сторону. Он рванул свой «Як» навстречу ведущему немцу, заставив того отвернуть, и тут же сам провалился в вираж, заходя в хвост второму.

— Держись, Сёма, работаем! — бросил в микрофон Долгушин и заложил такой крутой боевой разворот, что в глазах на миг потемнело от перегрузки.

В такие минуты мозг Сергея работал с точностью часового механизма. Он видел всё сразу: как один наш «Як» дымит форсажем, загоняя «фоккера» к земле; как на высоте маячит ещё одна пара немцев, выжидая момент для удара; как послушно и чуть неуклюже повторяет его манёвр новенький Як-9 Семёна.

Сергей поймал в прицел крайнего немца. Дистанция двести метров. Сто пятьдесят. В груди — ни злости, ни азарта, только холодный, выверенный расчёт. Нажал на гашетку — «Яшка» мелко задрожал, выплюнув короткую, злую трассу. Снаряды вспороли дюралевое брюхо «фоккера», тот клюнул носом, выбросил густой шлейф чёрного дыма и пошёл вниз.

И в ту же секунду у Долгушина заныло под лопаткой.

Он не увидел пятого немца — тот вывалился из слепой зоны, со стороны солнца, бесшумно и страшно. Охотник. Профессионал, бьющий наверняка. Сергей рванул ручку влево, но опоздал на долю секунды: его Як ещё не успел набрать скорость после виража, и длинная, смертоносная трасса «фоккера» уже шла точно в его кабину.

— Командир, берегись! — сорвался в эфире звонкий, почти мальчишеский голос.

Семён Горбунов нарушил главный приказ комэска. Он не стал просто кричать и пугать очередью. Увидев, что немец уже поймал Долгушина в прицел и шансов уйти у того нет, лейтенант дал полный газ и бросил свою машину наперерез.

Он просто закрыл собой командира — так, как в пехоте закрывают грудью от пулемёта.

Весь залп четырёх немецких пушек достался ему. Як Семёна вздрогнул, будто наткнулся на невидимую стену. От правого крыла оторвался кусок обшивки, из-под капота ударил тугой сноп багрового пламени, и тут же кабину заволокло чёрным, жирным дымом.

— Сёма! Прыгай! Прыгай, мать твою! — заорал Долгушин, впервые за всю войну сорвавшись на крик.

Но фонарь сбитого «Яка» даже не дёрнулся. Семён то ли погиб сразу от осколков, то ли потерял сознание от удара. Горящий истребитель медленно завалился на крыло и пошёл вниз, оставляя в холодном небе жирный траурный след, пока не скрылся за серой стеной елового леса. Столб чёрного дыма поднялся над верхушками сосен.

Немец попробовал уйти свечой вверх, но не успел. Сверху на него коршуном упал «Як» Долгушина. Сергей бил в упор, с пятидесяти метров, пока боекомплект не кончился в ноль — так, что «Фоккер» развалился в воздухе на две половины.

Домой возвращались молча. В эфире стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь ровным гулом моторов.

Когда сели, Сергей долго не вылезал из кабины. Он сидел, положив руки на приборную доску, и смотрел перед собой пустыми глазами. Внутри всё выгорело дотла — осталась только тяжёлая, свинцовая пустота.

Долгушин медленно выбрался на крыло, спрыгнул на раскисшую землю. Посмотрел на садившиеся на поле остальные Яки — глаза у Сергея были сухие, ледяные, но в углах губ залегла новая, глубокая складка.

— Мальчишка совсем, — тихо сказал Сергей своему механику. — Двадцать лет. Только-только по-настоящему летать начал.

— Знаю, Серёга, — тяжело выдохнул Петрович и положил тяжёлую ладонь на закопчённое крыло Яка. — Всех не убережём. Война. Но за то, что он тебя вытащил — я ему до конца жизни должен. И ты должен. Так что давай, Фёдорыч, соберись. Тебе теперь за двоих воевать придётся.

Никто из них тогда не знал, что густой еловый подлесок и болотный весенний мох сыграли с судьбой злую, но милосердную шутку — и что точка в биографии лейтенанта Горбунова поставлена только на полковой бумаге.

6. Разговор без погон

В отдельной светлой палате кремлёвской больницы на Воздвиженке пахло горьковатым йодоформом, свеженатёртым дубовым паркетом и влажной весенней сыростью, тянувшей из приоткрытой форточки.

Василий Сталин лежал на высокой никелированной кровати с туго забинтованной, уложенной на металлическую шину левой ногой. Осколки реактивного снаряда РС-82 раздробили пяточную кость и глубоко посекли правую щеку — на скуле белел свежий марлевый пластырь, а в груди ворочался тяжёлый, липкий свинцовый ком, от которого не помогали никакие успокоительные порошки профессора Очкина. Вчера приезжал отец. Не кричал, не топал сапогами и не стучал трубкой по столу — просто постоял у порога с потухшей трубкой в руке, посмотрел тяжёлым, ледяным, чужим взглядом, как на пустое место, и молча вышел, притворив дверь. А сегодня утром адъютант привёз копию приказа Верховного: снять полковника Сталина с должности командира полка «за пьянство и разгул».

Дверь палаты тихо, осторожно скрипнула. На пороге стоял Сергей Долгушин — в помятой, запылённой фронтовой гимнастёрке, с серыми кругами усталости под глазами, только что вернувшийся из командировки в штаб армии и прямо с поезда примчавшийся в Москву.

Василий дёрнулся было на высоких подушках, попытался натянуть на осунувшееся лицо привычную, лихую усмешку комполка, но усмешка вышла кривой и жалкой.

— А, Серёга... Заходи, комэск. Видишь, как меня приложило? Фрицы за два года в воздухе не достали, а своя же «эрэска» в кость впилась. Садись в ногах. Там в тумбочке у меня... ну, понимаешь, лечебное средство припрятано, налей по стакану, помянем Разина...

Долгушин не сел. Он медленно закрыл за собой дверь, дважды повернул ключ в замке, подошёл к белой больничной тумбочке, достал оттуда пузатую алюминиевую флягу с армянским коньяком, отвинтил крышку и с холодным, спокойным лицом вылил всё янтарное содержимое прямо в фаянсовую раковину умывальника. По палате мгновенно поплыл сладковатый спиртной дух.

Василий побледнел, побелевшими пальцами вцепившись в край шерстяного одеяла:

— Ты чего творишь, Долгушин?! Совсем берега потерял?! Забыл, с кем разговариваешь?! Я тебе не салага из училища!

— А я с тобой сейчас не как с полковником и не как с сыном Сталина разговариваю, Вася, — тихо, но с такой стальной жёсткостью ответил Сергей, присаживаясь на край жёсткого табурета у самой кровати. — Я с тобой как твой ведущий говорю. Как человек, который тебя в

небе над Старой Руссой трижды из-под «мессеров» вытаскивал. Мне, между прочим, за твою рыбалку тоже взыскание вкатили, хотя меня и близко на той речке не было. Но плевать мне на штабной выговор. Мне за тебя тошно, Вася.

Василий резко отвернулся к стене, стиснув зубы так, что под кожей заходили желваки. В комнату через форточку ворвался далёкий, приглушённый звон московского трамвая, но в палате звенела густая, тяжёлая тишина.

— Ты посмотри со стороны, во что ты себя превратил за последний год, — продолжал Долгушин, не повышая голоса, отчего каждое его слово било точнее пулемётной очереди. — Лётчик ты от бога, Вася. В воздухе машину чувствуешь кожей, не трусишь, за чужие спины не прячешься. Я за это тебя и уважаю, и прикрывать готов хоть до самого Берлина. Но на земле ты превратился в тряпку. Вокруг тебя же одни шакалы вьются! Каждый интендант, каждый тыловой хлыщ норовит тебе полный стакан поднести: «За здоровье Василия Иосифовича! Выпей, Вася, ты же орёл!» А ты и рад стараться, уши развесил! Думаешь, они тебя любят? Да они тебя спаивают, дурака, чтобы через пьяного сына вождя свои грязные делишки обтяпывать!

— Замолчи... — глухо, сквозь зубы прохрипел Василий, до боли сжимая кулаки. — Не твоё дело... Я сам знаю...

— Ни черта ты не знаешь! — резко оборвал его Долгушин. — Если бы знал, капитан Разин сейчас был бы жив, а не лежал в сырой земле под Осташковом! Хороший мужик был, золотые руки, трое ребятишек дома остались. Кто ему приказал с этими проклятыми реактивными снарядами на речку лезть?! Ты! По пьяной лавочке захотелось перед гостями пофорсить! А завтра что будет, Вася? Завтра ты с похмелья полк в лобовую на зенитки угробишь? Или в Москве под забором сдохнешь на радость тем, кто за твоим отцом в Кремле место караулит?!

Василий резко повернул голову. Глаза его горели бешеным огнём, но в самой глубине их стояли злые, жгучие слёзы. Он хотел закричать, выгнать Долгушина вон, вызвать дежурного коменданта — и вдруг осёкся. Потому что впервые за долгие месяцы перед ним стоял человек, которому от него не было нужно ровным счётом ничего: ни званий, ни наград, ни кремлёвского покровительства. Только горькая, спасающая правда.

— Думаешь, мне самому не тошно, Серёжа? — вдруг тихо, сорвавшимся, почти мальчишеским голосом выдохнул Василий, опуская глаза на забинтованную ногу. — Я же как в железной клетке... Куда ни шагнёшь — «сын Сталина». В полку за спиной шепчутся, в штабе в пояс кланяются, на банкетах в рот заглядывают. Только в небе и дышал свободно, без груза. А на земле... выпьешь стакан — и вроде отпускает, вроде свой среди своих. А утром... просыпаешься — и хоть пулю в лоб. Но я уже не могу без этого, Серёга. Трясёт всего с рассвета. Пробовал сам завязать — через три дня на стенку лезу.

Долгушин смотрел на друга долго, внимательно, и ледяной металл в его взгляде постепенно сменился той самой спокойной, мужской уверенностью, с которой он всегда заходил в атаку из мёртвой зоны.

— Один не справишься — значит, вдвоём вытянем, — твёрдо сказал Сергей. — В воздухе ведомый ведущего не бросает, и на земле не бросит. У меня в Туле, ещё до завода, старый доктор был. Из бывших царских врачей, по нервной части и по этой самой беде большой специалист. Его в тридцать седьмом чуть не посадили, так он в Подмосковье в тихой больничке доживает. Я его вчера уже разыскал и в Москву привёз. Тихий старичок, лишнего слова не скажет. Вытащит он тебя из этой ямы, Вася. Зуб даю.

Василий поднял на друга тяжёлый, испытующий взгляд:

— А если не вытащит?

— Тогда я сам тебя к железной койке привяжу и буду сидеть рядом, пока вся дурь из крови не выйдет, — усмехнулся Долгушин. — Но есть одно твёрдое условие, Вася. Если выкарабкаешься и пить бросишь — ни одна живая душа в Москве об этом знать не должна. Пусть

и Берия, и Маленков, и все твои «друзья-собутыльники» до конца дней думают, что Васька Сталин всё так же глушит коньяк без просыпу.

Василий медленно моргнул, вникая в смысл сказанного, и в уголках его потрескавшихся губ впервые за эти страшные дни дрогнула хитрая, озорная и по-настоящему трезвая усмешка:

— Это ещё зачем, комэск?

— А затем, что дураков и пьяниц никто всерьёз не боится, — тихо ответил Долгушин. — При них говорят лишнее и не прячут когти. Когда придёт время, Вася, эта их слепота нам с тобой очень пригодится. Ну что, по рукам? Зову старика?

Василий глубоко, полной грудью вздохнул, крепко сжал тёплую, мозолистую ладонь друга и коротко кивнул:

— Зови, Серёга. Начинаем новую жизнь.

7. Чай цвета коньяка

Старинный особняк на Гоголевском бульваре, дом семь — бывшее барское гнездо генерала Власика, отнятое у главного телохранителя отца и переданное опальному сыну, — в конце февраля пятьдесят третьего года напоминал осаждённую крепость, в которой гарнизон, судя по батареям пустых бутылок у чёрного хода, давно и без боя сдался зелёному змию.

По крайней мере, именно так ежедневно докладывали наверх скучающие топтуны из ведомства Лаврентия Павловича, дежурившие в подворотне напротив.

Василий Сталин стоял у плотно зашторенного окна кабинета на втором этаже, лениво покачивая в руке тяжёлый хрустальный бокал с янтарной жидкостью. На вид — выдержанный марочный армянский «Двин», от которого у любого нормального человека к вечеру заплетался бы язык. На вкус — крепчайший грузинский чай с долькой лимона и щепоткой жжёного сахара. Рецепт тихого старого профессора из кремлёвки работал безотказно вот уже десятый год.

Василий криво усмехнулся, глядя сквозь щёлку между шторами на тёмный силуэт «Победы» с чекистскими номерами у заснеженного забора, и медленно отхлебнул холодный чай.

«Пей, Вася, пей, — мысленно сказал он невидимым наблюдателям в промёрзшей машине. — Пока вы там думаете, что я тут белочку ловлю, у нас с вами ещё будет о чём поговорить».

Слегка прихрамывая на левую ногу — проклятая пятка, раздробленная в апреле сорок третьего на Селижаровке, всегда начинала ныть перед мартовской оттепелью, — он прошёл к массивному дубовому письменному столу. На зелёном сукне лежала свежая «Правда», пухлая папка с лекциями Академии Генштаба, куда его почётно сослали после прошлогоднего первомайского парада, и старая, потёртая по белым краям фотография.

На снимке, сделанном летом тридцать девятого на крымском пляже, жмурились от яркого южного солнца четверо мальчишек в курсантских гимнастёрках: сам Вася, Тимур Фрунзе и два брата Микояна — Степан и совсем ещё пацан Володя.

Кача. Качинская Краснознамённая авиашкола имени Мясникова. Единственное место на земле, где он чувствовал себя не «сыном того самого», а живым человеком. Хотя и там начальство поначалу сходило с ума от страха: поселили не в общей казарме, а в отдельной комнате при штабе, приставили охранника, выделили персонального инструктора и три учебных самолёта. Комбриг Иванов даже отцу жаловался письмом: мол, летает курсант Сталин блестяще, а вот теорию учить наотрез отказывается. Отец тогда ответил коротко: «Посадите на гауптвахту, как любого другого». И посадили ведь, отсидел от звонка до звонка! Зато в воздухе никаких поблажек не существовало — там либо ты держишь машину в кулаке, либо земля встречает тебя без всякого учёта фамилии.

Василий бережно коснулся пальцем лица Тимура Фрунзе на выцветшем снимке. Тимур, выросший в семье Ворошилова, сгорел в январе сорок второго под Старой Руссой — девять дней на фронте, неравный бой с четвёркой «мессеров», посмертно Герой. Через восемь месяцев под Сталинградом, прямо на глазах у Василия, сбили восемнадцатилетнего Володьку Микояна. Васька тогда чуть с ума не сошёл от горя и ярости — вывел белой краской на борту своего истребителя «За Володю!» и рвался в каждый боевой вылет без парашюта, чтобы в случае чего не попасть к немцам живым.

Вот тогда и пошла первая настоящая дурь — фронтовые сто грамм, которые для сына вождя мгновенно превращались в литры. Каждый считал своим долгом поднести, угодить, чокнуться с «наследником». А после войны, когда он стал командующим ВВС Московского военного округа, вокруг него вообще вырос целый липкий хоровод из «верных друзей» — генералов, интендантов, артистов, спортивных чиновников. Все сладко улыбались, все наливали, все просили: «Василий Иосифович, подпиши, помоги, замолви словечко перед Хозяином».

И он подписывал. И пил. Пока четвёртого апреля сорок третьего капитан Разин не уронил себе под ноги реактивный снаряд РС-82.

Василий невольно потёр ноющую ступню. Тот взрыв на Селижаровке выбил из него не только осколки кости, но и всю юношескую спесь. А следом был страшный, ледяной разговор с отцом, приказ о снятии с полка «за пьянство и разгул» и тихая палата кремлёвской больницы, где старый доктор с седой бородкой клинышком сказал ему в лоб: «Либо вы, Василий Иосифович, завязываете навсегда, либо через десять лет вас без всяких немцев закопают ваши же собутыльники».

Он завязал. Но хватило ума никому об этом не рассказывать.

За долгие десять лет в роли «придворного пьяницы» Василий увидел больше, чем вся кремлёвская контрразведка. Люди рядом с якобы вдребезги пьяным сыном Сталина мгновенно теряли бдительность. Они болтали лишнее. Он видел, как мелко дрожит перед отцом Маленков, как хищно прищуривается за стёклами пенсне Лаврентий, как суетливо и елейно поддакивает Никита. И он прекрасно понимал: в ту секунду, когда старик на Ближней даче закроет глаза, эти люди сожрут друг друга, а его самого прикончат первым — просто на всякий пожарный случай, как слишком опасную фамилию.

В тяжёлую дверь кабинета тихо, условным двойным стуком, постучали.

— Войди, Серёжа, — не оборачиваясь, сказал Василий.

В кабинет вошёл Сергей Фёдорович Долгушин. За десять лет, прошедших с фронтовой весны сорок третьего, он почти не изменился — всё тот же спокойный, цепкий, пронзительный взгляд человека, привыкшего видеть воздух насквозь, разве что к Золотой Звезде Героя на кителе добавились генеральские погоны да лёгкая седина на висках. В руках у Долгушина была тонкая кожаная папка и свежий выпуск «Советского спорта».

— Василий Иосифович, всё по расписанию, — негромко доложил Долгушин, плотно прикрывая за собой дубовую дверь и с привычной лукавой усмешкой косясь на бокал с холодным чаем. — Топтуны у ворот как раз смены поменяли. Я им через твоего повара пару бутылок «Столичной» передал — якобы от тебя, за здоровье вождя. Сидят в машине, греются, уже рапорт строчат, что генерал Сталин снова в стельку.

— Молодец, — хмыкнул Василий. — Сколько раз тебя просил: без «Иосифовича», когда мы вдвоём. Вспомни сорок третий...

— Помню, Вася, — голос Долгушина на секунду стал тише и жёстче. — И Селижаровку помню, и парней наших. И Семёна Горбунова... Эх, золотой был ведомый. Если бы не тот проклятый зенитный разрыв в конце сорок третьего, он бы сейчас тут с нами сидел. Царство ему небесное.

Василий молча кивнул, на миг крепко сжав челюсти. Они оба считали Семёна погибшим в том осеннем бою, даже не подозревая, что израненный, чудом вытащенный из-под дымя-

щихся обломков старший лейтенант Горбунов выжил и вот уже девятый год, припадая на искалеченную ногу, проверяет пропуска на проходной Горьковского авиазавода, даже не догадываясь, какую дерзкую игру затеяли его бывшие командиры.

— Ладно, помянем, когда большое дело сделаем, — тряхнул рыжеватой головой Василий, возвращаясь в реальность. — Наши на месте?

— Все в сборе в «Арагви», в отдельном кабинете на втором этаже, — кивнул Долгушин. — Основной состав куйбышевских «Крыльев Советов» — прилетели якобы на внеплановые сборы по линии авиационной промышленности и обмывают удачную тренировку. Официально — банкет, неофициально — военный совет. Ждут только твоего свистка.

Василий поставил пустой бокал из-под «коньяка» на зелёное сукно, снял со спинки стула строгий генеральский китель и привычным, резким движением застегнул пуговицы.

— Ну что ж, комэск, — тихо сказал он, глядя на своё отражение в высоком зеркале. — Теоретическую часть в Каче я в своё время завалил. Зато практику сдал на «отлично». Поехали на ужин. Пора объяснить нашим физкультурникам, на каких позициях им предстоит играть в самом главном матче их жизни.

8. Мёртвая зона стрельбы

По дороге от Гоголевского бульвара до «Арагви» тяжёлый чёрный ЗИС-110 катил не спеша, мягко, по-барски покачиваясь на тугих рессорах по припорошенной сухим февральским снежком брусчатке. За баранкой сидел свой, проверенный в десятках переделок сержант из гаража ВВС, а на широком заднем сиденье молчали двое: боевые генералы, однокашники по предвоенной Каче, люди, давно привыкшие понимать друг друга без лишних слов и жестов.

Сергей Долгушин смотрел в тёмное боковое стекло на редких, закутанных в воротники прохожих, жмущихся к стенам домов от колючего московского ветра, и ловил себя на мысли, что сегодняшняя февральская ночь до боли напоминает ему рассвет двадцать второго июня сорок первого года.

Тогда, на полевом аэродроме Новый Двор в шестнадцати километрах от границы под Гродно, накануне вечером всё тоже выглядело тихо и благостно. Только вот младший лейтенант Долгушин, простой тульский парень, пришедший в авиацию со слесарного верстака патронного завода «Штамп», каждый день видел с высоты, как на соседнем немецком аэродроме Сувалки столбом стоит жёлтая пыль — люфтваффе в наглую перебрасывало к самой границе десятки истребительных и бомбардировочных эскадрилий. Сергей доложил об этом комэску. Комэск — командиру полка. В ответ на аэродром примчался сам командующий округом генерал армии Павлов в паре с командующим ВВС генералом Копцом. Осмотрели машины, похлопали лётчиков по плечам и отдали гениальный по своей слепоте приказ: «Вооружение с И-16 снять, бензин слить — чтобы не было провокаций».

Долгушин до сих пор усмехался, вспоминая ту дикую картину: четыре утра двадцать второго июня, с запада уже доносится глухой, тяжеленный гул артиллерийской канонады, земля мелко дрожит под ногами, а лётчики вместе с перепуганными механиками в предрассветной темноте, сбивая костяшки пальцев в кровь, лихорадочно прикручивают обратно скорострельные пулемёты ШКАС и заливают баки из оцинкованных вёдер.

Он тогда взлетел первым во всём сто двадцать втором полку. Едва оторвался от мокрой травы, ещё не успел убрать шасси и набрать боевую скорость, как сверху с леденящим душу воем свалились «мессершмитты». Расстреливали в упор, как на учебном полигоне — в его «ишачке» потом насчитали шестнадцать рваных пробоин. Но Сергей вывернулся, ушёл скольжением к самому Неману, где немецкие бомбардировщики уже заходили на гродненские мосты.

Там он и поймал в перекрестие свой первый «Юнкерс-88». Долгушин не полез в лоб, под кинжальный огонь хвостового стрелка — вспомнил, чему учили в Каче. Поднырнул снизу, в самую слепую, мёртвую зону, поставил свой юркий И-16 на дыбы и всадил длинную, злую очередь прямо в дюралевое брюхо и левый мотор. «Юнкерс» вспыхнул багровым факелом и рухнул в густой белорусский лес. За тот бесконечный первый день войны Сергей сделал семь боевых вылетов, сбил два вражеских самолёта — и ни один из них так и не попал в официальный счёт, потому что к вечеру штаб полка сгорел дотла, а бумажным учётом побед заниматься было уже некому.

— О чём задумался, Серёга? — негромко спросил Василий, покосившись на друга и прихлёбывая из термоса свой неизменный холодный чай. — Неужто мандражируешь перед встречей со сборной? Так Витя Ворошилов человек свой, не укусит.

— Да я сорок первый вспомнил, Вася, — спокойно ответил Долгушин, не отрывая взгляда от проплывающих за окном заснеженных фонарей. — Как перед самой войной с нас пулемёты поснимали, чтобы, не дай бог, «не провоцировать». Вот гляжу я сейчас на вечернюю Москву, на эти чёрные «эмки» у каждого подъезда и думаю: опять ведь то же самое начинается. Старик на Ближней даче слабеет с каждым днём, Берия с Маленковым уже когти точат, а все вокруг сидят тихо, по норам, ждут, когда по ним первыми ударят.

— Вот поэтому мы и не будем ждать, — жёстко, как отрубил, сказал Василий. — Мы ударим первыми. Из самой мёртвой зоны, как ты тогда по тому «Юнкерсу».

Долгушин криво усмехнулся. В этом был весь Васька. В Каче, в сороковом году, они учились на одном курсе — только Сергей жил в шумной общей казарме и до ночи грыз учебники по воздушной навигации, а сын вождя обитал в отдельной комнате при штабе и в открытую заявлял седым преподавателям, что штурманские расчёты придумали трусы. Но в небе всё уравнивалось мгновенно. Когда в январе сорок третьего Долгушин, уже с Золотой Звездой Героя на груди, пришёл командиром эскадрильи в тридцать второй гвардейский полк к полковнику Василию Сталину, он с первого же вылета увидел: Васька в воздухе не прячется за чужие спины, рвётся в самую гущу, как отчаянный пацан, и прикрывать его нужно в оба глаза.

Сколько раз за ту весну Сергей снимал с хвоста Василия обнаглевших «фоккеров»! И сколько раз после войны, уже в мирной, парадной Москве, вытаскивал друга из очередных передряг, мастерски прикрывая его тайную трезвость перед кремлёвскими ищейками. Для всего столичного света генерал-майор Долгушин был просто «придворным лётчиком Василия», верным собутыльником и партнёром по ночному преферансу. И это было лучшим оперативным прикрытием в жизни.

Тяжёлый ЗИС мягко, без скрипа затормозил у бокового, неприметного входа в ресторан «Арагви» на улице Горького.

— Приехали, — коротко сказал Василий, привычным движением поправляя генеральскую фуражку. — Пошли, Серёжа. Сейчас посмотрим, как наши футболисты умеют держать боевой строй без мяча.

9. Качинский меридиан

Крым в тридцать девятом году пах пыльной полынью, разогретым перкалем и касторовым маслом от моторов У-2. Качинская военная авиационная школа имени Мясникова напоминала гигантский пчелиный улей, где с рассвета до заката гудели учебные бипланы, а в перерывах между полётами кипели споры, способные перекричать любой винт.

Именно сюда осенью тридцать девятого свалилось то, что в курилках шепотом, с опаской и нескрываемым любопытством прозвали «наркомовским призывом».

Володя Микоян, Тимур Фрунзе, Саша Щербаков — мальчишки с громкими, бронзовыми фамилиями, от которых у начальника училища полковника Туржанского заранее начи-

нала подрагивать левая бровь. И среди них — невысокий, худощавый, рыжеватый паренёк с веснушками и колючим, изучающим взглядом. Василий Сталин.

Его привезли без оркестра и лишней помпы, но уже через полчаса об этом знала вся Кача, включая поварих в курсантской столовой и сторожевого пса Полкана.

Поначалу старые инструкторы и простые курсанты смотрели на «кремлёвских» настороженно. Мол, знаем мы этих барчуков: приехали походить в кожаных куртках, пощёлкать затворами фотоаппаратов, получить кубики в петлицы и уехать в тёплые московские штабы.

Серёжа Долгушин — крестьянский сын из тульской деревни Новосёлки, у которого за плечами были только аэроклуб да мозоли от тракторного руля, — поначалу тоже держался в стороне. Он не любил громких слов и пустой суеты. В небе Сергей чувствовал себя так, словно родился с крыльями за спиной: машину он не «водил», а продолжал ею собственное тело, без единого лишнего движения ручкой.

Первый разговор у них случился у стартового старта, в тени крыла старенького И-15бис.

Василий только что зарулил после зоны. Лицо красное от жары, комбинезон хоть выжимай, но глаза горят так, будто он только что Северный полюс покорил. Инструктор, седой капитан с нафабренными усами, покачал головой:

— Опять на вираже скользишь, курсант Сталин. Шарик в трубочке гуляет, как пьяный купчина. Небо, оно ведь не смотрит, кто у тебя батюшка. Оно за грубость сразу по шапке даёт.

Василий закусил губу, хотел было огрызнуться, но сдержался, буркнул «Виноват, товарищ капитан» и отошёл к бочке с водой. Там-то он и столкнулся с Долгушиным.

— Чего смотришь, тульский? — хмуро спросил Василий, вытирая мокрый лоб пилоткой. — Думаешь, сынок приехал в самолётики поиграть?

— Да мне без разницы, кто у тебя отец, — спокойно ответил Сергей, прищурившись на солнце. — Ты на вводе в вираж педаль пережимаешь, вот тебя и сносит. Ручку на себя плавнее бери, не дёргай её, как вожжи у мерина. И-пятнадцатый — машина нежная, она ласку любит.

Василий замер с кружкой у рта. На него так просто и без всякого пиетета не смотрел, пожалуй, никто — даже в школе. Ни подобострастия в глазах, ни страха, ни желания подмазаться. Только деловой, спокойный взгляд мастера, который видит чужую ошибку и знает, как её исправить.

— Покажешь? — коротко спросил Василий.

— После ужина в классе на модели покажу, — кивнул Долгушин. — А завтра в воздухе проверим.

С того вечера они и сошлись. Оказалось, что ни Василий, ни Тимур, ни Володя Микоян вовсе не собираются отсиживаться за отцовскими спинами. Жили в общих казармах, ели ту же перловку с тушёнкой, драили полы наравне со всеми, а в небо рвались так, что техникам приходилось буквально оттаскивать их от самолётов на закате.

Особенно упёртым был Василий. Он словно пытался переспорить собственную фамилию. Когда на танцах в клубе девчонки начинали шептаться, показывая на него пальцем, он хмурился и уходил на аэродром — сидеть в кабине «Ишачка» и вслепую, с закрытыми глазами, отрабатывать переключение тумблеров.

«— Понимаешь, Серёга», — сказал он как-то ночью, сидя на крыльце казармы и глядя на крупные крымские звёзды. — Тимуру проще — у него отец герой, легенда, но его нет. А мой-то живой. И каждый раз, когда я ручку на себя тяну, мне кажется, что он из Кремля в бинокль смотрит: не сплоховал ли Сталин-младший? Не опозорил ли?

— А ты в бинокль не смотри, Вася, — негромко ответил Долгушин, ковыряя травинкой сапог. — Ты на горизонт смотри. В небе Кремля не видно. Там только ты, мотор и воздух. Кто лучше с ними договорится — тот и прав.

В сороковом году их разбросала судьба: Долгушина оставили в Каче инструктором — учить таких же мальчишек летать без страха, а Василия с товарищами отправили в строевые

части. Прощались на перроне шумно, с хлопками по плечам и обещанием обязательно встретиться после того, как «разберутся с мировой буржуазией».

Никто из них тогда ещё не знал, что встречаться им придётся не на парадах в Тушино, а в дымном, разорванном зенитками небе Калининского фронта. И что уроки, которые крестьянский парень Серёжа Долгушин давал на крыле старенького биплана, однажды спасут жизнь человеку, от которого будет зависеть судьба всей страны.

10. Кабинет министров на выезде

Отдельный кабинет на втором этаже «Арагви» гудел, как раздевалка стадиона «Динамо» после финального свистка. На столе дымились шашлыки по-карски, стояли вазы с гранатами, батареи бутылок «Боржоми» и пузатые графины с тем самым коньяком, который повар ресторана по личному секретному приказу генерала Долгушина заправлял крепкой грузинской заваркой.

Вокруг стола сидели семеро крепких, плечистых парней в одинаковых тёмно-синих бостоновых костюмах с широкими плечами — основной состав куйбышевских «Крыльев Советов», прилетевший в Москву якобы на внеплановые сборы по линии авиационной промышленности. Василий Сталин обвёл их довольным взглядом. С «Крылышками» у него были давние, особые счёты. Команда своя, авиационная, заводская — без столичного снобизма спартаковцев и без чекистской наглости «Динамо». К тому же три месяца назад, в Куйбышеве, их правый крайний Виктор Ворошилов наотрез отказался переходить в московский ВВС, заявив Василию прямо в глаза: «Не могу, товарищ генерал, завод не поймёт». Вася тогда чуть не взорвался, а потом зауважал: такие не продадут и с поля не сбегут.

— Ну что, орлы, — Василий откинулся на спинку стула, покручивая в пальцах бокал с чаем. — Поужинали? Теперь слушайте сюда. Скоро в стране намечается большой матч. Без судей, без свистка и с заменой всего состава на скамейке запасных. Я буду в центре нападения, Сергей Фёдорович — диспетчером в полузащите. А вот вам придётся закрыть остальные позиции. В правительстве. В кабинете повисла такая тишина, что стало слышно, как за стенкой в общем зале скрипач пилит «Сулико».

Первым очнулся вратарь Володя Корнилов — спокойный, кряжистый мужик, который в двадцать пять лет пришёл в большой футбол прямо из цеха завода имени Масленникова.

— Василий Иосифович, — осторожно прокашлялся он, — мы, конечно, за вас хоть в огонь, хоть в воду. Но какие из нас министры? Мы ж кроме мяча и фрезерного станка ничего в руках не держали. — А ты думаешь, нынешние министры держали? — усмехнулся Долгушин, разворачивая перед собой лист бумаги, исписанный ровным штабным почерком. — Мы с Василием Иосифовичем ваши личные дела подняли. Кадры решают всё, как учит товарищ Сталин. Назначать будем строго по наследственной линии. Кто чем в семье занимался — тот за то в стране и ответит. Василий хитровато прищурился и ткнул пальцем в крайнего нападающего:

— Вот ты, Витя Ворошилов. У тебя отец всю жизнь у мартена и на заводе отстоял, и сам ты с четырнадцати лет у станка. Значит, пойдёшь министром тяжёлой промышленности. Будешь следить, чтобы чугун лили без брака, а не как вы в прошлом сезоне против «Зенита» в первом тайме играли. Ворошилов поперхнулся «Боржоми», но спорить не стал — только плечами пожал: мол, мартен так мартен, не сложнее, чем против московского «Динамо» в меньшинстве устоять.

— Дальше, — продолжил Долгушин, заглядывая в список. — Виктор Карпов. У нас в полузащите с закрытыми глазами пас на сорок метров отдаёт, а сам родом из крестьян села Королёвка Ульяновской области. Рожь от овса отличит, корову подоить сумеет. Ставим министром сельского хозяйства. Хватит у нас агрономией академикам в кабинетах заниматься —

пора человеку от земли руль отдать. Карпов солидно кивнул, поправляя галстук, будто всю жизнь только и ждал этого назначения.

— Саша Гулевский, — Василий перевёл взгляд на лучшего бомбардира «Крылышек». — Ты у нас, помнится, до завода на обувной фабрике начинал, а батя твой всю жизнь конторским счетоводом работал, копейку к копейке сводил. Пойдёшь министром финансов. Будешь государственный бюджет считать так же точно, как ты в девятку кладёшь. Чтобы ни один рубль мимо кассы не прошмыгнул! — А меня куда, Василий Иосифович? — подал голос железный защитник Иван Ширяев. — У меня отец на железной дороге диспетчером всю войну отпахал.

— Вот и отлично! — хлопнул ладонью по столу Василий. — Министр путей сообщения. Раз ты на поле ни одного форварда к штрафной не подпускаешь, то и поезда у тебя по расписанию пойдут, как швейцарские часы.

А Сашу Скорохова, раз у него дед и отец волжские лоцманы, отправим командовать морским и речным флотом. Чтобы баржи на мель не сажал. За столом уже начали потихоньку посмеиваться — напряжение спало, парни вошли во вкус этой странной, но до боли понятной футбольной расстановки. Неохваченным оставался только вратарь Корнилов.

— Ну а мне, значит, в физкультминистры? — улыбнулся Володя.

— Бери выше, Володя, — вдруг посерьёзнев, сказал Василий. В его глазах мелькнул тот самый жёсткий, холодный огонёк, который знали только фронтовые лётчики тридцать второго полка. — Ты у нас единственный в Союзе, кто умеет ловить всё, что летит в створ, и не дёргаться, когда на тебя трое выходят один на один. Пойдёшь министром внутренних дел и госбезопасности. Вместо Лаврентия Павловича. В комнате снова стало тихо. Корнилов медленно положил вилку на край тарелки, посмотрел на Василия, потом на спокойного, как скала, Долгушина и тихо спросил:

— И когда первый тайм начинаем, товарищ генерал?

— Как только на Ближней даче прозвучит свисток, — тихо ответил Василий и поднял свой бокал с холодным чаем. — А пока, товарищи министры, доедаем шашлык. Завтра в восемь утра у вас по плану кросс в Сокольниках. Правительству Советского Союза нужна железная дыхалка.

11. Звено прикрытия

Через два дня после ужина в «Арагви» длинный чёрный ЗИС Василия Сталина привычно свернул с Можайского шоссе в сторону Кубинки. Официально опальный генерал-лейтенант ехал на закрытый полигон — пострелять влёт по тарелочкам да как следует пропариться в бане со старыми фронтовыми дружками. Скучающие топтуны из наружки, болтавшиеся на хвосте на неприметной «Победе», лениво зафиксировали маршрут и даже не стали суваться на охраняемую территорию военного аэродрома: в управлении все давно знали, что после снятия с должности Васька только и делает, что глушит тоску по небу в гарнизонных банях да распевает под гармонь «Любимый город».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.